

Подчас автор делает далеко идущие выводы о характере общественных отношений и культуре Эфиопии, основываясь на одном отдельно взятом источнике. Так, например, нельзя только на основе материалов Булатовича утверждать, что «в конце XIX в. в Эфиопии господствующим типом производственных отношений являлись феодальные отношения, развитые более всего у амхара» (стр. 255). Точно так же нельзя только по материалам Бровцына, без их критической проверки и сопоставления с другими группами источников, рисовать картину семейно-брачных отношений у амхара (см. стр. 276—278).

Хочется выразить надежду, что автор не прекратит работы по истории русских экспедиций в Эфиопию и в своих новых исследованиях уделит больше внимания анализу их научного значения, выявлению того большого вклада, который они внесли в этнографическое изучение Эфиопии.

Возвращаясь к оценке «Африканского этнографического сборника» в целом, следует подчеркнуть, что этот труд свидетельствует о росте нашей африканистики, причем далеко не только в области этнографии.

Г. А. Нерсесов

Народы Австралии и Океании. Под редакцией С. А. Токарева, С. П. Толстова (Серия «Народы мира. Этнографические очерки», под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова). Изд-во АН СССР, М., 1956, 852 стр.

Народы Австрало-Океанийской области в течение многих веков развивались в условиях почти полной изоляции от внешнего мира. В материальном производстве, общественных отношениях и духовной культуре австралийцев до последнего времени сохранялось много глубоко архаических черт, знакомству с которыми современные ученые обязаны большей частью своих выводов о древнейшей стадии развития человечества. На островах Океании европейские путешественники и исследователи обнаружили замечательное многообразие путей и форм разложения первобытно-общинного строя и постепенного перехода от доклассового общества к классовому, любопытные сочетания элементов материальной культуры, предохраняющие от упрощенно-схематического понимания исторического процесса в целом.

В XVII—XIX вв. коренное население Австралии и Океании было поработено европейскими и американскими колонизаторами. Изучая жизнь местных народов под гнетом чужеземных пришельцев, можно проследить различные формы колониализма, известные в истории. В самое последнее время в некоторых районах этого казалось бы спокойного колониального «тыла» империализма усилилось национально-освободительное движение, сливающееся с борьбой всех угнетенных народов за свободу и независимость, за демократию и социализм.

Уже сказанного достаточно, чтобы понять, какой большой научный и общественный интерес представляет изучение истории и современного положения народов Австралии и Океании, сколь важно и актуально подробное исследование их быта и культуры в прошлом и в настоящем. Вот почему выход в свет в серии «Народы мира» тома, посвященного населению этой части света, — весьма значительное событие в советской этнографической науке.

Рецензируемая книга по существу является первым в мировой научной литературе опытом создания всестороннего обобщающего труда о народах Австрало-Океанийской области¹. Книга написана с позиций марксистско-ленинского учения об обществе — исторического материализма, что позволило авторскому коллективу в целом правильно использовать огромный фактический материал, собранный русскими и зарубежными исследователями, и внести существенно новый вклад в разработку многих проблем австраловедения и океанистики.

Этнографическое изучение народов Австралии и Океании имеет в нашей стране давние и богатые традиции. Общеизвестен крупнейший вклад в эту отрасль науки, внесенный Ю. Ф. Лисянским, О. Е. Коцебу, В. М. Головинным и другими русскими мореплавателями первой половины XIX в., а также таким выдающимся путешественником и исследователем, как Н. Н. Миклухо-Маклай, чье имя, по справедливому замечанию авторов рецензируемой работы, способно уравновесить десятки имен зарубежных ученых, потрудившихся на поприще океанистики. Для русских исследователей Австралии и Океании характерно дружественное и гуманное отношение к изучаемым народам, уважение к их самобытной культуре, вера в неограниченные возможности челове-

¹ Зарубежными учеными создан ряд сводных работ по этнографии Австралии и Океании; соответствующие разделы имеются и в изданиях, претендующих на рассказ о всех народах мира. Но ни по целям, ни по структуре, ни по глубине охвата материала, не говоря уже о методологии, эти работы не могут идти в сравнение с томом «Народы Австралии и Океании», дающим всестороннее описание населения Австрало-Океанийской области как единого целого. См. А. Элькин, Коренное население Австралии. Перевод с английского, М., 1952; F. Keessing, Native peoples of the Pacific world, N. Y., 1945; «Illustrierte Völkerkunde». Hrsg. von G. Buschan, Bd. II, Australien und Ozeanien, Asien, Stuttgart, 1923; «Die Neue Große Völkerkunde. Völker und Kulturen der Erde in Wort und Bild», Hrsg. von H. A. Bernatzik, Bd. II, Asien, Südsee, Australien, Frankfurt/Main, 1954.

ка, независимо от цвета его кожи. Содержание настоящего тома свидетельствует о том, что его авторы — сотрудники Института, носящего имя Н. Н. Миклухо-Маклая, — бережно хранят и развивают эти благородные традиции.

Книга проникнута глубоким уважением к большим и малым народностям, населяющим Австралию и Океанию. Авторский коллектив дает бой расизму по широкому кругу вопросов, полностью опровергает антинаучные измышления расистов о какой-то «неполноценности» австралийцев и коренного населения тихоокеанских островов. В книге сообщаются подлинные, конкретно-исторические причины сравнительной отсталости данных народов и в то же время подчеркивается, что они внесли немаловажный вклад в мировую культуру. Тем самым рецензируемая книга служит благородному делу укрепления дружбы между народами, воспитывает читателей в духе интернационализма.

Настоящий труд отличается прежде всего углубленным освещением вопросов этнографии. Его авторы уделяют много внимания проблемам этногенеза и этнической истории, стремясь подробно объяснить сложнейшие явления культуры и быта, широко привлекая для этого данные других научных дисциплин. В то же время читатель найдет здесь сведения по истории колониального порабощения народов Австралии и Океании, об особенностях национально-освободительного движения в этой части света, о политическом статусе и административном устройстве отдельных территорий и т. д. Иными словами, содержание рецензируемого тома выходит за рамки этнографии, что отнюдь не является его недостатком.

Книга состоит из введения, в котором дается общая характеристика изучаемого района и формулируются главные проблемы австраловедения и океанистики, двух основных разделов — «Народы Австралии и Тасмании» и «Народы Океании» — и заключения. Раздел «Народы Океании» в свою очередь делится на две большие части, из которых одна посвящена населению Меланезии, а другая — полинезийцам и микронезийцам. Внутри основных отделов материал располагается по тематическому принципу (главы о хозяйстве и материальной культуре, общественном строе, религии, языках и т. д.). Вместе с тем встречаются главы об отдельных островах и архипелагах (Тасмании, Новой Гвинее, Фиджи, Новой Каледонии, Гавайях, о-ве Пасхи и Новой Зеландии), этнографические особенности населения которых по тем или иным причинам заслуживают специального рассмотрения.

Несколько обособленное положение занимает глава об островитянах Микронезии, которая включена в отдел, в основном посвященный полинезийцам. В ней отсутствуют обобщающие характеристики различных сторон культуры и быта населения этой части Океании, а дается краткое этнографическое описание чаморро (Марианские острова), аборигенов островов Палау и Яп и обитателей островов Каролинских, Маршалловых и Гилберта.

Поскольку Австрало-Океанийская область составляет известное целое как в географическом, так и в этнографическом отношении, и все основные части книги написаны по одинаковому плану, мы позволим себе в нашей рецензии придерживаться этого плана, анализируя сходные главы разных отделов.

Значительное место в рецензируемом томе занимает проблема происхождения коренного населения Австралии и Океании, одна из сложнейших в этнографической науке. В настоящее время ученые уже располагают фактическими данными, позволяющими конкретно решать основные вопросы этногенеза этих народов. Но из-за неполноты лингвистического материала и особенно из-за совершенно недостаточной археологической изученности Австрало-Океанийской области и смежных с ней районов Юго-Восточной Азии в данной проблеме остается еще немало неясного, особенно в деталях. Авторами и редакторами рецензируемого труда разработана единая концепция происхождения австралийцев и океанийцев, которая является наиболее убедительной на данном этапе развития науки. В обобщенном виде эта концепция предстает перед читателем на карте-схеме, предложенной С. П. Толстовым (стр. 368).

На наш взгляд, следовало бы несколько более подробно остановиться на теории американского происхождения полинезийцев, хотя она и отвергается подавляющим большинством исследователей. Дело в том, что данная теория воскрешена в книге Т. Хейердала «Путешествие на «Кон-Тики», переведенной на русский язык и ставшей известной широким кругам советских читателей. В связи с этим было бы желательно отделить явно ошибочные положения, выдвинутые Хейердалем, от тех его наблюдений и гипотез (например, о перуанском влиянии на письменность о-ва Пасхи), которые являются спорными и нуждаются в дальнейшей проверке и изучении².

Большое впечатление производит глава, посвященная хозяйству и материальной культуре австралийцев. Ее главное достоинство — обилие тщательной и, можно сказать, любовно подобранных фактов, благодаря которым читатель не только получает ясное представление об уровне развития производительных сил австралийских племен, но и детально знакомится с особенностями их хозяйственного быта. Автор не скрывает глубокой архаичности материального производства австралийских аборигенов, подчеркивает, что они не вышли еще из стадии чисто «присваивающего» хозяйства. Но одновременно он пробуждает у читателя чувство уважения к австралийцам, ярко и увлекательно рассказывая о поразительной приспособленности всего их хозяйственного уклада

² См. Ю. Кнорозов, Спор о древних письменах, «Новое время», 1956, № 41, стр. 29.

к условиям географической среды, об их ловкости и изобретательности на охоте, о замечательном их умении найти средства к существованию в сухой и скудной пустыне.

Столь же удачно, на наш взгляд, рассказано в книге о хозяйстве и материальной культуре народов Меланезии и Полинезии. Большое принципиальное значение имеет, в частности, даваемая в книге характеристика уровня развития производительных сил полинезийцев.

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что предки полинезийцев, обитавшие на их восточноазиатской прародине, были культурным народом и, в частности, знали металлы, ткачество и гончарство. Эти технические знания были ими утрачены в новых природных условиях, после расселения по островам восточной Океании, в первую очередь из-за отсутствия там необходимого сырья. В связи с этим некоторые зарубежные исследователи выдвинули теорию «культурного регресса», «деградации» полинезийцев. В рецензируемом томе обоснованно указывается, что в данном случае правильнее говорить не о регрессе, а об активном приспособлении к новой естественной среде. Исчезновение или отставание некоторых отраслей хозяйства и техники компенсировалось у полинезийцев паразитально высоким развитием других отраслей (выработкой весьма совершенной техники изготовления изделий из камня, кости, раковин и дерева; созданием высокопродуктивной системы интенсивного тропического земледелия с применением искусственного орошения; небывалым расцветом судостроения и мореплавания). «Уровень развития производительных сил, основной показатель культурного развития,— как подчеркивается в книге,— не понизился, хотя производительные силы приняли несколько иной вид» (стр. 369). При таком подходе к материальной культуре полинезийцев становится возможным строго научное объяснение довольно высокого уровня их общественного развития, становятся ясными материальные предпосылки их богатой духовной культуры.

Самая большая глава рецензируемого тома посвящена характеристике общественного строя австралийцев. Читатель найдет здесь ценный материал о брачных классах, а также интересные соображения относительно исторической последовательности женского и мужского счета происхождения. Хорошо описаны брачные обычаи австралийцев, характерные для них возрастное-половое расщепление и возрастные инициации, дан четкий анализ форм собственности и организации власти, обстоятельно рассказано о межплеменных отношениях.

Некоторые вопросы общественного строя австралийцев, отличающиеся особой сложностью, еще не могут считаться вполне изученными. Естественно, что по этим, как и по некоторым другим конкретным вопросам, у советских исследователей подчас нет полного единодушия. В рецензируемой книге, как правило, излагаются различные точки зрения, что следует всячески приветствовать, ибо нивелировка взглядов ученых отнюдь не может принести пользы ни читателю, ни развитию науки. Но в отдельных, редких случаях читателя знакомят с одним из возможных решений, не оговаривая его дискуссионности. Так, категорически утверждается, что австралийская система родства сложилась еще до появления брачных классов и способствовала их возникновению, что сами брачные классы «есть не что иное, как систематизация терминологии родства» (стр. 162). Между тем в литературе были высказаны и другие взгляды по этому вопросу³, которые не получили отражения в рецензируемом томе.

На стр. 158 сообщается, что система брачных классов «представляет собою совершенно исключительное явление, известное только в одной Австралии и ни в одной другой стране никогда не наблюдавшееся». Такая постановка вопроса представляется нам излишне категорической. Действительно, только у австралийских аборигенов ученые смогли изучать эту систему в действии. Но нельзя проходить мимо того, что некоторыми исследователями были обнаружены следы существования брачных классов и у народов других континентов⁴.

Большое научное значение имеют те главы книги, в которых характеризуется общественный строй народов Океании. Эти материалы, равно как и аналогичные данные по Австралии, привлекают внимание всех тех, кто интересуется древнейшей историей человечества. Читатель найдет здесь интересные сведения о различных формах родовой и сельской общины и их взаимном переплетении, о семейной общине — основной ячейке полинезийского общества, познакомится со своеобразными формами обмена, сложившимися в Меланезии. Авторы четко прослеживают эволюцию форм собственности, а также процесс выделения вождей и родо-племенной знати, обстоятельно рассказывают о мужских союзах и «клубах», выясняют их социальную сущность.

Особый интерес представляет характеристика общественных отношений на тех островах Океании, где еще до появления колонизаторов далеко зашло разложение

³ См. Н. А. Бутиннов, Проблема экзогамии (по австралийским материалам), Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 19.

⁴ См. С. Nimuendaju, The Apinaye, Washington, 1939, стр. 29—31; J. Layard, Stone men of Malekula, London, 1942, стр. 78—172; В. Ruhemann, The relationship terms of some hill tribes of Burma and Assam, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 4, № 2, Summer, 1948, стр. 155—198; Cl. Levi-Strauss, Les structures élémentaires de la parenté, Paris, 1949, стр. 381—426.

первобытно-общинного строя и совершался переход от доклассового общества к классовому. Авторы хорошо показали сложность и противоречивость социально-экономических отношений переходного периода, уделяли много внимания проблемам классовобразования.

На указанных островах происходили два процесса: разделение общества на свободных и рабов и расслоение свободных на рядовых общинников и наследственную аристократию, с возрастающим подчинением первых последней (в частности, в связи с нехваткой плодородных земель). Второй процесс при определенных условиях создавал возможность перехода к феодализму, минуя развитый рабовладельческий строй⁵.

Как видно из рецензируемой книги, указанные процессы имели много локальных вариантов и, главное, маскировались сохранявшимися первобытно-общинными институтами, вследствие чего их не всегда удается легко разграничить. Тем не менее при описании конкретных обществ следует, конечно, стремиться к возможно более точному определению основного типа нарождавшихся там производственных отношений. В этой связи данный вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

Некоторые сомнения вызывает широкое и категорическое применение термина «каста». Этим термином обозначаются как большие классовые группировки (вожди, общинники, рабы), так и наследственные профессиональные группы (например, женщины-гончары на Фиджи). Нам представляется, что авторы несколько преувеличили роль замкнутых профессиональных групп в жизни полинезийского общества, равно как и степень их обособленности. Ведь такая форма организации производства была характерна отнюдь не для всех ремесел, не говоря уже о рыболовстве и земледелии, и к тому же чаще всего оставалась в неразвитом состоянии. Что же касается основных классовых группировок, отделенных друг от друга строгими ритуальными запретами, то их, на наш взгляд, генетически правильнее сравнивать не с кастами (джати) — эндогамными группами людей, связанных единством наследственной профессии, а с древнеиндийскими варнами, которые иногда неточно называют кастами.

Как известно, Морган, опираясь на полученные от американских миссионеров ложные сведения о характере общественного строя и брачных обычаях гавайцев, ошибочно предполагал, что у последних в начале XIX в. существовала семья, основанная на ранней форме группового брака; такую форму семьи Морган назвал гавайским словом пуналуа. «В настоящее время, — говорится в рецензируемом томе, — установлено, что брачные отношения типа пуналуа представляют собою не типичную форму группового брака, а его позднейшее видоизменение, сохранявшееся как пережиток в знатных родах» (стр. 653). Такое решение вопроса представляется несколько половинчатым, ибо на самом деле никакой особой, «пуналуальной» формы семьи на Гавайях не существовало. Господствующей формой брачных связей здесь был парный брак с элементами перехода к моногамии. Кроме того, в знатных семьях распространено было многоженство; встречались и отдельные случаи многожества, которое было привилегией женщин особо знатного происхождения. Термин «пуналуа» («добрый друг») и применялся в такого рода семьях: этим словом называли друг друга женщины, имеющие одного, общего мужа, или мужчины, имеющие одну, общую жену. Вряд ли можно многоженство и многожество в том виде, в каком они существовали на Гавайских островах, считать пережитком группового брака.

Весьма удачными представляются нам главы, рассказывающие о религии народов Австралии и Океании. В их основу положена единая, детально разработанная концепция; написаны они ясно и просто, несмотря на сложность рассматриваемых вопросов. Читая эти главы, читатель знакомится с зарождением и эволюцией древнейших форм религии: верования австралийских аборигенов дают ему представление о религии раннеродового общества, обширный меланезийский материал помогает глубже понять характерные черты религиозных воззрений эпохи расцвета и начала разложения первобытно-общинного строя, полинезийские культы служат примером религии слагающегося классового общества. Удачно прослеживается в книге генезис идеи бога — от первых ее корней в верованиях наиболее развитых австралийских племен до появления пантеона великих полинезийских божеств, отразившего выделение родоплеменной знати и расчленение общества на господствующих и подчиненных. Убедительно вскрывается социальная функция такой особенности полинезийской и меланезийской религии, как представление о таинственной силе «мана» и ее негативной формулировке — «табу». Все эти материалы могут быть широко использованы для научно-атеистической пропаганды.

Специальные главы рассказывают о развитии положительных знаний у народов Австрало-Океанической области, об их искусстве, спортивных играх и развлечениях. Читатель найдет здесь немало интересного, порой даже неожиданного, убедится в высокой одаренности этих народов, в значительном развитии у них эстетического чувства. Но если сведения, сообщаемые об этих сторонах культуры австралийцев и меланезийцев, представляются нам достаточно подробными, то небольшая по объему глава «Зачатки науки, искусство и развлечения у полинезийцев» не дает, как нам кажется, полного представления о высоком уровне развития и многогранности данных отраслей культуры народов Полинезии.

В книге имеются главы об австралийских, меланезийских и полинезийских языках.

⁵ См. С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 210—216.

Их написание следует всячески приветствовать, ибо они свидетельствуют о возросшем интересе советских ученых к языкам Австрало-Океанийской области. Другим показателем оживления, наметившегося в этой весьма слабо изученной у нас отрасли лингвистики, может служить работа Н. А. Бутинова и Ю. В. Кнорозова по расшифровке письменности о-ва Пасхи. Предварительные результаты их научных изысканий отражены в настоящем томе.

В книге содержится немало сведений по истории колониального порабощения народов Австралии и Океании, рассказывается о том сопротивлении, которое местные народы оказывали чужеземным пришельцам. Особенно подробно описаны Маорийские войны, которые велись на Новой Зеландии в 1843—1872 гг. Заметим попутно, что глава о народах Новой Зеландии относится к числу лучших в рецензируемом томе.

Известно, какую большую роль в подготовке и осуществлении колониальных захватов в Океании сыграли европейские и американские миссионеры. В книге показаны различные стороны деятельности этих христианских «пастырей», которые под прикрытием проповеди «царствия не от мира сего» зачастую преследовали иные, гораздо более «земные» цели. На основе анализа большого фактического материала авторы пришли к следующему, совершенно справедливому выводу: «...Хотя и нельзя отрицать известных культурных заслуг отдельных миссионеров перед коренным населением Океании и Австралии, в целом все же в деятельности их во много раз перевешивает другая сторона — отрицательная: миссионеры были разведчиками капиталистической колониальной политики, они и подготовили и закрепили захват Австрало-Океанийской области европейскими державами и Соединенными Штатами Америки, они были и остаются верными слугами колониального режима в этих странах» (стр. 38).

История колониальной политики в данной части света рассматривается авторами главным образом в связи с тем влиянием, которое она оказывала на общественные отношения и культуру австралийцев и океанийцев. В книге показывается, как под прямым и косвенным воздействием колонизаторов разрушался самобытный строй жизни аборигенов, прослеживаются особенности этого процесса в Австралии и на различных островах Океании. Авторы приводят интересные данные о возникновении на многих тихоокеанских островах скороспелых полудеспотических государств, о проникновении туда капиталистических отношений, о намеренном сохранении и использовании колонизаторами докапиталистических форм эксплуатации.

Как указывают сами авторы, в настоящем томе основное внимание уделено ими исследованию фактов, относящихся к прошлому народов Австралии и Океании; современное их положение охарактеризовано более кратко. Сообщается, что такое распределение материала было вызвано двумя причинами: во-первых, тем большим научным интересом, который представляют старинные формы хозяйства, общественного строя и культуры австралийцев и океанийцев; во-вторых, скудостью сведений об их нынешнем положении (стр. 5—6, 765). Нельзя не признать основательности этих аргументов. И все же нам представляется, что вопросы современного положения народов Австралии и Океании должны были занять в рецензируемом томе более значительное место.

Наиболее подробно рассказано о современном положении коренного населения Австралии. Специальная глава знакомит читателя с беспросветным существованием аборигенов в австралийском буржуазном государстве, разоблачая практикующуюся по отношению к ним политику расовой дискриминации. Описывается быт охотничьих племен, все еще кочующих в малодоступных районах, жизнь австралийцев в миссиях и резервациях, освещается полурабское положение рабочих-аборигенов. Заслуживает одобрения включение в рецензируемую книгу очерка об англо-австралийцах и другом пришлом населении Австралии.

Значительно менее полно рассказано в книге о современном положении народов Океании. Правда, и по этому кругу вопросов читатель получит интересные сведения, которые помогут ему правильнее понять особенности обстановки в данном районе; узнает он и о формах местного национально-освободительного движения и некоторых его конкретных проявлениях. Однако не все характерные черты современного этапа в развитии океанийцев получили в книге достаточное отражение. В частности, уделено мало внимания проблеме формирования колониального пролетариата на островах Меланезии, не прослежен процесс ослабления родо-племенных связей и появления новой, классовой солидарности, не подчеркнута та революционизирующая роль, которую играют китайцы, индийцы, индонезийцы и вьетнамцы, живущие на тихоокеанских островах⁶.

Изложение событий в главе о населении Гавайских островов доведено только до 1900 г., когда этот архипелаг был аннексирован американскими империалистами и превращен в «территорию» Соединенных Штатов. Между тем современное положение на Гавайях не может не привлечь внимания советских исследователей хотя бы уже потому, что данные острова, как правильно указано в заключении к настоящему тому, «по пестроте этнического состава населения стоят ныне, пожалуй, на одном из первых мест в мире» (стр. 768). Нынешняя обстановка на Гавайях интересна и по другой причине. На этом архипелаге, превращенном в главную тыловую базу США на Тихом океане, в

⁶ О совместной борьбе за свои права трудящихся о-вов Фиджи (аборигенов и индийцев), которые создали боевые профсоюзы, внушающие страх колонизаторам, см. в статье «Australian imperialism in Fiji», «Communist Review», 1955, No 163, стр. 362—364.

течение многих лет идет совместная борьба трудящихся многих национальностей за улучшение условий жизни, за демократические права. Этой борьбой руководят прогрессивные профсоюзы, деятельность которых не может сломить американская реакция.

Не могут удовлетворить читателя содержащиеся в книге сведения о жителях Западного Ириана, судьба которого составляет ныне одну из важных азиатских проблем. Во введении говорится, что данная часть Новой Гвинеи «исторически и культурно тяготеет к Индонезии» (стр. 21). Но этот правильный тезис, к сожалению, остался не раскрытым как в главах, рассказывающих об отдельных сторонах культуры и быта народов Меланезии, так и в специальной главе о папуасах Новой Гвинеи.

Заслугой авторов рецензируемого тома является серьезное внимание к вопросам историографии. Специальные главы знакомят читателей с историей этнографического изучения Австралии и Океании, начиная с его зарождения в эпоху великих географических открытий и до наших дней. Эта история делится на этапы и излагается в тесной связи с историей колонизации, что позволяет читателю лучше представить себе обстановку, в которой проводились те или иные исследования, а также вскрыть их социальную направленность.

В книге подвергаются глубокой научной критике реакционные концепции отдельных буржуазных ученых и целых направлений в зарубежном австраловедении и океанистике. Особенно подробно критикуются антинаучные построения гребнеровской школы «культурных кругов», причем вскрывается ее порочная методологическая основа. Вместе с тем в книге отмечаются заслуги многих иностранных исследователей, собравших ценный фактический материал или выдвинувших смелые гипотезы, способствовавшие развитию этнографической науки. Авторы выделяют прогрессивное течение в современном зарубежном австраловедении. Достаточно подробно освещается ими вклад русских и советских ученых в этнографическое изучение народов Австралии и Океании. К книге приложен обширный список литературы.

В рецензируемом томе имеются отдельные неувязки и фактические неточности. Так, на стр. 556 утверждается, что «гавайцы на Таити ни разу не ездили», хотя источники сообщают о таких плаваниях⁷. На стр. 507 читатель узнает, что «количество грамотных на родном языке составляет теперь, по примерным подсчетам, до 60% населения всей Меланезии». Но С. Белшоу, из книги которого взяты эти данные, имел в виду население лишь трех архипелагов (Новых Гебрид, Новой Каледонии и Британских Соломоновых о-вов), где проживает менее девяти процентов островитян Меланезии; в целом по Меланезии процент грамотных значительно ниже⁸. На стр. 731 численность коренного населения Марианских островов в XVII в. определена в 50 тыс. чел., а на следующей странице — в 100 тыс. человек; последняя цифра является общепринятой. Следует подумать об устранении этих, а также некоторых других неточностей при подготовке нового издания, которое, вероятно, понадобится уже в ближайшие годы.

К числу достоинств настоящей книги можно отнести обилие удачно подобранных иллюстраций. Для этих целей широко использованы коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР — богатейшей сокровищницы этнографических материалов по Австралии и Океании. Значительный интерес представляют репродукции картин и рисунков Альберта Намаджири и других австралийских художников-аборигенов. Эти репродукции лучше всяких слов свидетельствуют о талантливости коренных жителей Австралии, жадно тянущихся к прогрессу, к знаниям.

Отгорчает значительное количество опечаток, часть которых не отражена в специальном списке, приложенном к тому. Из таблицы, помещенной на стр. 22—23, читатель с удивлением узнает, что Гавайи являются английской колонией, а Тонга — «территорией» США, что Новая Зеландия — королевство, находящееся под протекторатом Великобритании. Ларчик просто открывается: при наборе было допущено смещение строк, в результате чего таблица приобрела искаженный вид.

Материал тома «Народы Австралии и Океании» настолько обширен, что в одной рецензии невозможно ни дать полный обзор его, ни изложить все соображения и пожелания, возникшие при его изучении. Нам представляется, что некоторые из поднятых в нем вопросов могли бы послужить предметом плодотворной творческой дискуссии.

В рецензируемом томе подведены итоги многолетней работы советских этнографов в области изучения народов Австралии и Океании. В нем, словно в зеркале, отразились как крупные успехи, достигнутые в этой области, так и имеющиеся еще здесь пробелы и недостатки. Не все в данной книге одинаково бесспорно и совершенно. Но в целом авторский коллектив сумел успешно разрешить стоявшие перед ним сложные задачи и создал ценный обобщающий труд, представляющий большой интерес как для специалистов, так и для более широкого круга читателей.

Выход в свет тома «Народы Австралии и Океании» вызовет к жизни новые исследования, будет способствовать постановке новых проблем. Тем самым рецензируемый труд будет содействовать дальнейшим успехам советской этнографической науки.

Д. Д. Тумаркин

⁷ См. Те Ранги Хироа, Морепплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 215; R. S. Kuykendall and H. E. Gregory, A history of Hawaii, N. Y., 1927, стр. 19.

⁸ C. S. Belshaw, Changing Melanesia, Sidney, 1954, стр. 1, 100.